

Ван Мэйянь,
Н. П. Пинежанинова

DOI: 10.24412/1811-1629-2022-1-41-47

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОЦЕНОЧНОЙ АНОМАЛИИ В ПОТОКЕ СОЗНАНИЯ ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ»)

WANG MEIYAN, NATALIA P. PINEZHANINOVA

THE LINGUISTIC EMBODIMENT OF EVALUATIVE ANOMALY IN THE CHARACTER'S STREAM OF CONSCIOUSNESS:
BASED ON THE MATERIAL OF VLADIMIR NABOKOV'S NOVEL "DESPAIR"

Ван Мэйянь

Аспирант

► 13811952892@163.com

**Наталья Павловна
Пинежанинова**

Кандидат филологических наук, доцент

► pinezhaninova@rambler.ru

Санкт-Петербургский государственный
университет

199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7–9

**Wang Meiyang,
Natalia P. Pinezhaninova**

St. Petersburg State University
7–9, Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, Russia, 199034

Статья посвящена прагматическому анализу аксиологической аномалии в потоке сознания персонажа, её языкового воплощения и оценочной интерпретации в художественном тексте. Поток сознания как пассивный вид монологической речи персонажа служит непосредственным переводом его мышления и ассоциативных образов на словесный язык. В метаромане В.В. Набокова «Отчаяние» изображение потока сознания демонстрирует саморефлексию персонажа-писателя об актуальных для него ценностях и даёт представление о трансформации картины мира, реконструируемой им в собственном романе. Смещение ценностей, фиксируемое оценочной аномалией, становится важным характерологическим элементом художественного образа персонажа-писателя. В потоке сознания персонажа обнаружены противоречивые или тавтологические оценочные предпочтения по следующим параметрам отклонения от аксиологических норм: интеллектуальная / чувственная деятельность сознания; априорность / апостериорность суждения; возможность / невозможность сосуществования альтернативы; позитивность / негативность ценностного выбора; вариативность / стандартность аксиологической нормы; диахронность / синхронность функционирования оценок; престижность / непрестижность ценностей индивида и социума. Аксиологическая аномалия потока сознания персонажа проявляется в субъектно-объектных, интуитивно-логических, причинно-следственных, пространственно-временных, дихронно-синхронных, параллельно-альтернативных отношениях и выражается отрицательной лексической семантикой, специфическими грамматическими и синтаксическими конструкциями. В романе В.В. Набокова «Отчаяние» аксиологические оппозиции свой / чужой, индивидуальный / общественный, аномальный / нормативный в мышлении главного персонажа Германа порождают его сознательный приоритет собственно-индивидуальных аномальных ценностей над общественно-коллективными ценностными стереотипами. В языковой идентификации собственной двойственной монологической личности — преступника и писателя — персонаж в потоке сознания рационализирует аномальные моменты своего мышления о реальном событии и художественном сюжете, обращая небывалое в былое, ирреальное в реальное, необычное в обыденное, аномалию в норму.

Ключевые слова: поток сознания персонажа; словесный перевод мышления; аксиологическая аномалия; языковое воплощение; оценочная интерпретация; монологическая личность; художественный текст.

The article is devoted to the pragmasemantic analysis of the problem of axiological anomaly in the stream of consciousness of a character, its linguistic embodiment and evaluative interpretation in a literary text. The stream of consciousness as a passive form of a character's monologue speech serves as a direct translation of his thinking and associative images into verbal language. In Vladimir Nabokov's

metanovel “Despair”, the image of the stream of consciousness demonstrates the self-reflection of the character-narrator about the values that are relevant to him and gives an idea of the transformation of the picture of the world that he reconstructs in his own novel. The shift in values, fixed by the evaluative anomaly, becomes an important characterological element of the artistic image of the character-narrator. In the stream of consciousness, contradictory or tautological evaluative preferences of the character were found according to the parameters of deviation from axiological norms: intellectual / sensory activity of consciousness; the possibility / impossibility of coexistence of an alternative; priori / posteriori judgment; positivity / negativity of value choice; variability / standardness of axiological norm; diachronism / synchronicity of the functioning of assessments; prestige / lack of prestige of the values of the individual and society; consideration / reality; intention / decision. The axiological anomaly of the character's stream of consciousness manifests itself in subject-object, intuitive-logical, causal, spatial-temporal, diachronous-synchronous, parallel-alternative relationships and is expressed by negative semantics of vocabulary, constructions, syntactic or textual structure of different ways of linguistic embodiment. In “Despair”, axiological oppositions of one's own and another's / individual and social / abnormal and normative in the thinking of the main character Herman generates his conscious priority of proper-individual abnormal values over social-collective value stereotypes. In the personal linguistic identification of his own dual monological personality — the criminal and the writer — the character rationalizes the anomalous moments of his thinking about the real event and the literary plot with a stream of consciousness, turning the unprecedented into the happened, the unreal into the real, the unusual into the ordinary, the anomaly into the norm.

Keywords: character's stream of consciousness; verbal translation of thinking; axiological anomaly; linguistic embodiment; evaluative interpretation; monological personality; literary text.

В двуплановой повествовательной структуре метаромана, совмещающего рассказанную повествователем историю и сам процесс создания «текста», важное место занимает саморефлексия персонажа-писателя, репрезентирующая его как субъекта наблюдающего и наблюдаемого одновременно и переносящая акцент на сопоставление различных систем ценностей при трансляции опыта саморефлексии, который представлен читателю посредством определённых художественных приёмов. Одним из воплощений опыта саморефлексии персонажа в художественном тексте является изображение потока сознания, воспроизводящего иррациональную душевную жизнь персонажа, его переживания, воспоминания, ощущения и рассуждения. Поток сознания, демонстрируя читателю мысли и взгляды персонажа, даёт возможность реконструировать художественный образ персонажа-писателя в метаромане и интерпретировать проблему его

индивидуальных ценностных ориентаций, которые представлены оценочными аномалиями и находят свое языковое выражение в художественном тексте.

Актуальность изучения проблемы оценочной аномалии в потоке сознания определяется номинацией аномальных оценочных моментов [Арутюнова 1988: 309] в мышлении персонажа. В связи с тем, что любая прагмасемантическая аномалия предполагает какое-то логическое нарушение, в художественной речи аномальные оценочные выражения отражают ненормативно-ценностное мироустройство персонажа, нарушение прототипической аксиологической системы [Радбиль 2012: 161] и противоречие между конвенциональными и неконвенциональными ценностями [Кобозева 1990: 195].

Поток сознания как технический перевод непосредственных мыслей и чувственных образов персонажа на словесный язык [Черевко, Рягузова 2018: 164–165] выделяется своей пассивностью [Андреева 2013: 11], непрерывностью, плотностью, хаотичностью и ассоциативностью [Черевко 2018: 297]. В потоке сознания персонажа характерны параметрические отклонения от аксиологических норм функционирования языка, противоречивые или тавтологические оценочные предпочтения в сознательном и подсознательном планах, при этом оценочные оппозиции свой / чужой, индивидуальный / общественный, аномальный / нормативный представлены как осознанное нарушение в вербализации психологической и мыслительной организации собственной аксиологической языковой картины мира персонажа.

Такой подход к анализу потока сознания персонажа открывает новые возможности для понимания способов создания художественного образа в творчестве В.В. Набокова. Писатель высказал некоторые критические замечания к существующим образцам фиксации мыслительного процесса персонажа в современной западной литературе. Так, в лекции по зарубежной литературе, отмечая специфику изображения потока сознания в художественном произведении, В.В. Набоков указывал на стилистическую условность в передаче мышления персонажа, поскольку человек думает не только словами, но и образами. Вместе с тем, в потоке сознания, по мнению Набокова, перемежаются текущие

и устойчивые мысли, закрепившиеся в памяти, однако в письменном воспроизведении мыслей, где большая роль отводится типографскому знаку, обычно смазан временной элемент. Выразительность и реалистичность в изображении потока сознания писатель связывал с отбором и регистрацией в произведении отдельных мыслей персонажа, представляющих субъективный взгляд с его позиций [Набоков 1998: 390].

В романе В.В. Набокова «Отчаяние» (1934 г.) главный персонаж коммерсант Герман является одновременно и автором-повествователем собственной повести, в которой применяет поток сознания как писательский приём. В потоке сознания персонаж размышляет о своей роли в реальном и художественном мире, о качестве своего творчества, о возможности совершения и описания преступления. Рефлексия персонажа демонстрирует его ценностные предпочтения и находит выражение в оценочных суждениях, составляющих априорную и апостериорную деятельность сознания.

Бледные организмы литературных героев, питаюсь под руководством автора, наливаются живой читательской кровью; гений писателя состоит в том, чтобы дать им способность жить благодаря этому питанию и жить долго. Но сейчас мне нужна не литература, а простая, грубая наглядность живописи [Набоков 2020: 21]. В данном фрагменте потока сознания показан персональный аномальный выбор негативно оцениваемого писательского приёма для своего литературного произведения вместо позитивно описываемого и собственного гению писателя.

Персонаж в начале рассуждения метафорически определяет общепринятый позитивный способ воплощения литературного героя: *литературные герои, питаюсь под руководством автора, наливаются живой читательской кровью*, но предпочитает применять негативно оцениваемый приём *грубой наглядности живописи* в создании своей повести. В контрастной синтаксической структуре таксономической предикации с помощью дизъюнкции *мне нужна не литература, а простая, грубая наглядность живописи* выражены сравнительные утилитарные оценки, когда один из упоминаемых объектов *живопись* является оптимальным выбором персонажа,

а другой объект *литература* отвергается по причине его непрактичности. Персонаж как автор литературного произведения заменяет общепринятый писательский приём живого словесного повествования собственной техникой убедительности, свойственной визуальному искусству живописи, в чём и проявляется его аномальный оценочный выбор.

Читатель, ты уже видишь нас. Одно лицо! Но не думай, я не стесняюсь возможных недостатков, мелких опечаток в книге природы... В тот вечер, в ту ночь я памятью рассудка перебирал эти незначительные погрешности, а глазной памятью видел, вопреки всему, себя, себя, в жалком образе бродяги [Набоков 2020: 22]. В этом эпизоде потока сознания персонажа представлено противоречие в оценочных ориентациях интеллектуальной и чувственной деятельности сознания.

С одной стороны, разум персонажа распознает негативные оценки в характеристике сходства между собой и двойником: *я памятью рассудка перебирал эти незначительные погрешности; возможные недостатки, мелкие опечатки*; с другой стороны, память персонажа воспроизводит исключительно положительные моменты в экспрессивно-окрашенных обращениях *глазной памятью видел, вопреки всему, себя, себя; Одно лицо!* В рассуждении персонажа подсознательный уклон сенсорной памяти в сторону положительной оценки сходства приводит к возникновению в мыслях оправданий и уступок: *недостатки — возможные; опечатки — мелкие; погрешности — незначительные*, последующие прилагательные степени возмещают негативную оценочную семантику предыдущих существительных, создавая оценочную аномалию нежелательных девиаций.

<...> это не выдуманное сходство, что оно может, может существовать, что оно существует, да, да, да, — как бы искусственно и нелепо это ни казалось [Набоков 2020: 33]. В этом фрагменте потока сознания выявлена аксиологическая аномалия персонажа в суждении о возможности и невозможности сосуществования альтернативных свойств в одном объекте.

Персонажу уже казалось *искусственно и нелепо* сходство его с двойником, но он, вопреки собственным ощущениям, сознательно утверждает

возможность сходства: оно может, может существовать; существует, да, да, да. Общеизвестно, что искусственное не может существовать само по себе, являясь человеческим творением, поэтому персональное суждение *это не выдуманное сходство* логически аномально и неправдоподобно.

<...> как бывает и с **волшебными произведениями искусства**, которых чернь долгое время не признает, не понимает, коих обаянию не поддаётся, так случается и с **самым гениально продуманным преступлением: гениальности его не признают, не дивятся ей, а сразу выискивают, что бы такое раскритиковать, охаять**, чем бы таким побольнее уязвить автора... но **ошиблись они, а не автор**, — нет у них тех изумительно зорких глаз, которыми снабжён автор, и не видят они ничего особенного там, где автор увидел чудо [Набоков 2020: 126]. В этом эпизоде потока сознания персонажа появляются одна за другой оценочные оппозиции стандартности и вариативности аксиологических норм.

Персонаж оценивает преступление и основанную на нём свою повесть положительно, причём в высшей степени: **волшебное произведение искусства; самое гениально продуманное преступление; а чернь не признает, не понимает, обаянию не поддаётся; гениальности его не признают, не дивятся ей, а сразу выискивают, что бы такое раскритиковать, охаять**, оценивая такое творчество довольно отрицательно. Несмотря на то что преступлению свойствен стереотип общепринятой негативной оценочности, персонаж настаивает на собственной исключительной оценке: **ошиблись они, а не автор; не видят они ничего особенного там, где автор увидел чудо**, подменяя аксиологический стандарт частным оценочным вариантом.

Но я уже объяснял, что, несмотря на **рассудочность и лукавство подступов, не я, не разум мой пишет, а только память моя, только память** [Набоков 2020: 162]. Данный фрагмент потока сознания, объясняющий писательский приём персонажа как автора собственной повести, показывает его оценочную аномалию диахронности и синхронности в несовместимости общей закономерности и частного случая.

В творческом процессе персонаж-писатель то отмечает свою **рассудочность**, то отрицает, что в его сознании господствует разум: **не разум мой пишет**; то подчёркивает своё **лукавство подступов** — хитрые подходы и злые умыслы, то не признает свою инициативу: **не я**. В нормальном функционировании перцепционной деятельности человека рассудочная деятельность основана на отвлечённых рассуждениях, абстрагированных от практики жизни; а память, однако, сохраняет и воспроизводит впечатления именно о прошлой реальности. Таким образом, синтаксическая дизъюнкция **не я, не разум мой пишет, а только память моя** отражает аксиологическую аномалию потока сознания персонажа в одновременном оценочном утверждении антиномичности сознательного разума и подсознательной памяти, которые оказываются в одновременности несовместимыми видами деятельности сознания.

Странное дело, — Феликс на снимке был не так уж похож на меня, — конечно, это без труда могло сойти за мою фотографию, — но всё-таки мне было странно, — и тут я подумал: вот настоящая причина тому, что он мало чувствовал наше сходство; он видел себя таким, каким был на снимке или в зеркале, то есть как бы справа налево, не так, как в действительности. Людская глупость, ненаблюдательность, небрежность... [Набоков 2020: 176]. В данном эпизоде потока сознания персонажа проявлено аномальное установление превосходства своей оценочной позиции над чужой.

По мнению персонажа, его двойник лишь видел себя таким, каким был на снимке или в зеркале, поэтому он мало чувствовал сходство их, однако персонаж, как и любой человек, тоже не может видеть себя так, как в действительности. Впрочем, персонаж уже признался в несходстве двойника с собой: **на снимке был не так уж похож на меня**, но всё же настаивает на правдивости собственного мнения: **это без труда могло сойти за мою фотографию, и аномальности чужого несогласия: странное дело; странно**. Вопреки очевидному, персонаж даёт позиции двойника крайне негативную оценку **людская глупость, ненаблюдательность, небрежность**, переоценивая свою позицию как истинную.

<...> авторские же, **платимые страховым обществом**, были в моём сознании **делом второ-**

степенным. О да, я был художник бескорыстный... Что же касается страховых тысяч — Знаю, знаю, — оплошно с беллетристической точки зрения, что в течение всей моей повести (насколько я помню) почти не уделено внимания главному как будто двигателю моему, а именно корысти... Но тут меня берет сомнение, уж так ли действительно владела мною корысть, уж так ли мне было важно получить эту довольно двусмысленную сумму (цена человека в денежных знаках, сильное вознаграждение за исчезновение со света), — или, напротив, память моя, пишущая за меня, не могла иначе поступить, не могла — будучи до конца правдивой [Набоков 2020: 180–181]. Персонаж-писатель, рассуждая о бескорыстности и корысти, приравнивает авторский гонорар к вознаграждению за убийство, оправдывая преступление необходимостью правдивого повествования. В этом фрагменте потока сознания персонажа актуализируется приоритет материальных ценностей в аксиологической иерархии персонажа по сравнению с моральными и гуманистическими ценностями.

Перемена мест антиномических ценностей в аксиологической шкале персонажа с актуализацией его негативно-оценочных предпочтений демонстрирует сознательный сдвиг здоровых ценностных представлений к противоположной аномальной интерпретации: авторские же, платимые страховым обществом, были в моём сознании делом второстепенным, я был художник бескорыстный (бескорыстный) — главный как будто двигатель мой, а именно корысть (возможно, корыстный) — уж так ли действительно владела мною корысть (возможно, некорыстный) — цена человека в денежных знаках, сильное вознаграждение... память, будучи до конца правдивой (корыстный). В конце концов, бескорыстность отступает перед корыстью, нравственность и бесценность человеческой жизни сменяются в потоке сознания персонажа приоритетными материальными ценностями.

<...> хотя в душе-то я не сомневался, что моё произведение мне удалось в совершенстве, т.е. что в чёрно-белом лесу лежит мертвец, в совершенстве на меня похожий, — я, гениальный новичок, ещё не вкушивший славы, столь же само-

любивый, сколь взыскательный к себе, мучительно жаждал, чтобы скорее это моё произведение, законченное и подписанное девятого марта в глухом лесу, было оценено людьми, чтобы обман, — а всякое произведение искусства — обман, — удался... [Набоков 2020: 181]. В этом фрагменте потока сознания выявлено использование персонажем собственного аномального стандарта ценностей в качестве ценностных критериев общества.

Персонаж высоко оценивает себя и совершённое преступление: *гениальный новичок, моё произведение мне удалось в совершенстве*; но ставя себя на место социума, персонаж уже даёт оценки скромнее и объективнее: *ещё не вкушивший славы, столь же самолюбивый, сколь взыскательный к себе*. В процессе трансформации сознания персонажа происходит замена возможной отрицательной оценки, даваемой обществом, положительной самооценкой и отмечается постепенный сдвиг собственного ценностного стандарта к аксиологической норме общества: *моё произведение удалось в совершенстве — мертвец, в совершенстве на меня похожий — чтобы моё произведение было оценено людьми — чтобы обман удался — всякое произведение искусства — обман*. Мучительная жажда в общественном признании удовлетворяется в сознании персонажа генерализацией собственной оценочной аномалии.

Но как я устал, как я смертельно устал... вы думаете, я заснул? Нет, я заснуть не мог... Но теперь, когда я кончаю, когда мне, в общем, нечего больше рассказать, мне так жалко с этой написанной бумагой расстаться, — а расстаться нужно, перечесть, исправить, запечатать в конверт и отважно отослать, — а самому двинуться дальше, в Африку, в Азию, все равно куда, но как мне не хочется двигаться, как я жажду покоя... [Набоков 2020: 199–200]. Этот фрагмент потока сознания свидетельствует о несоответствии априорных оценочных предпочтений персонажа апостериорным нормативным требованиям.

Несмотря на читательское ожидание хода события как *я устал, как я смертельно устал... вы думаете, я заснул*, формальную процедуру расстаться нужно, необходимость двинуться дальше, естественные потребности персонажа отклоняются от стереотипного по-

стулата нет, я заснуть не мог, предполагаемого результата мне так жалко... расстаться и раннего замысла как мне не хочется двигаться, как я жажду покоя. Смена признаний и опровержений в потоке сознания сигнализирует о постоянном несоответствии персональных инстинктивных потребностей апостериорным нормативным требованиям. В связи с этим, оценочные аномалии персонажа воспроизводят эффект обманутого ожидания не только по отношению к чужим, но и к собственным действиям.

Отворить окно, **пожалуй**, и произнести небольшую речь... «Французы! **Это всего лишь репетиция. Держите** полицейских. Сейчас из этого дома к вам выбежит **знаменитый** **фильмовый актер**. Он **ужасный преступник**, но ему **положено** улизнуть. **Просьба** не давать жандармам схватить его. **Все это предусмотрено сценарием**. Французы, занятые в этой массовой сцене! **Прошу** освободить для него проход от дверей до автомобиля. **Уберите** шофера! **запустите** мотор! **Держите** жандармов, **повалите** их, **сядьте** на них верхом — им **за это заплачено**... Мне **нужен** свободный проход. **Только и всего. Благодарю**. Теперь **выхожу**» [Набоков 2020: 219]. В последнем фрагменте потока сознания персонажа отражено его аксиологическое аномальное воспроизведение действительности и отношение к окружающим.

Персонаж убеждает себя в том, что он **знаменитый** **фильмовый актёр**, в отличие от его низкого социального звания **ужасный преступник**. Разница между общественным оценочным мнением и персональной самооценкой возмещена мыслительной самозащитой персонажа, выраженной при помощи модальных частиц: **это всего лишь репетиция; всё это предусмотрено сценарием; за это заплачено; только и всего**. Чередование иллюкутивных актов, модальностей просьбы и приказа создаёт изменчивую динамику эмфатической силы внутреннего голоса персонажа: **пожалуй — держите — положено — просьба — прошу — уберите — запустите — держите — повалите — сядьте — нужен — благодарю**, которая свидетельствует о нестабильном вмешательстве аномальных оценочных реакций персонажа на внешнюю среду и собственные здравые размышления.

По итогам анализа аксиологической аномалии в потоке сознания персонажа и её языкового воплощения можно сделать следующие выводы:

1. Лексика, грамматические конструкции и синтаксические структуры предложений с отрицательной оценочной семантикой используются для обозначения отступлений от аксиологической нормы и выражения оценочной аномалии персонажа в потоке сознания. Типичные языковые выражения, в том числе, таксономические предикации в выражении контрастной дизъюнкции, когда только одно из оценочных представлений является истинным: *это не..., а...; нужно не..., а...; отрицательные конструкции условно-предположительного сравнения, вводимые показателями ирреальности: как будто нет...; как если бы не...; одновременное представление антиномических оценочных утверждений: двинуться дальше... не хочется двигаться; не так уж похож... без труда могло сойти; не выдуманное сходство... искусственно и нелепо; иллюкутивные речевые акты уступки и самозащиты: недостатки — возможные; опечатки — мелкие; погрешности — незначительные; это всего лишь; только и всего*, которые оправдывают оценочные девиации собственной идеализированной концептуализации аксиологической языковой картины мира персонажа.

2. Аксиологические моменты аномалии в потоке сознания персонажа проявляются в конфликтующих положительных и отрицательных оценочных выражениях по разным параметрам регулирования внутреннего противоречия: интеллектуальная / чувственная деятельность сознания; априорность / апостериорность суждения; возможность / невозможность сосуществования альтернативы; позитивность / негативность ценностного выбора; вариативность / стандартность аксиологической нормы; диахронность / синхронность функционирования оценок; престижность / непрестижность ценностей индивида и социума, которые проявляют себя в противопоставлении абстрактных рассуждений и фактического положения дел, намерения и решения. В аномальном потоке сознания персонажа, негативная оценочная семантика устраняется позитивными оценочными выражениями, а положительные

оценочные отношения заменяются отрицательными. Персональная трансформация ценностных стереотипов ведёт к поляризации собственных положительных и отрицательных оценок на аксиологической шкале, переупорядочению скалярно-антонимического семантического комплекса, а также увеличению частотности появления экстремальных оценочных языковых средств в потоке сознания персонажа.

3. Аксиологическая аномалия потока сознания персонажа выражается в субъектно-объектных, интуитивно-логических, причинно-следственных, пространственно-временных, дихронно-синхронных, параллельно-альтернативных оценочных отношениях, которые стимулируются сознательным нарушением стереотипов, отстранением от обычности и подсознательным уклоном к исключительности, созданием эффекта обманутого ожидания, демонстрацией искаженных представлений о творческом предназначении и утверждением ложных суждений.

4. В режиме языковой актуализации аксиологической оппозиции свой / чужой, индивидуальный / общественный, аномальный / нормативный обнаруживается сознательный приоритет собственно-индивидуальных аномальных ценностей персонажа над общественно-коллективными ценностными стереотипами. В романе «Отчаяние» персонаж Герман, размышляя о статусе писателя и о возможности сопоставления творчества и преступления, вписывает свой поток сознания в собственное художественное произведение — повесть, в которой убеждает себя и публику в правдоподобии сходства с двойником, в целесообразности и виртуозности преступления, в гениальности и превосходстве своего творчества. Во всех идентификациях монологической личности — *писатель, преступник, художник, актёр* — персонаж всегда настаивает на истинности собственной оценочной позиции, обращая небывалое в былое: *могло, мне удалось*; ирреальное в реальное: *не выдуманное, может существовать, существует*; необычное в обыденное: *как бывает, так случается*; аномалию в норму: *положено, нужно*.

Таким образом, аксиологические аномалии в потоке сознания персонажа дают представление о трансформации реконструируемой им в собственном романе картине мира и становятся важными ха-

рактерологическими элементами образа персонажа-писателя в метаромане В. В. Набокова «Отчаяние».

ИСТОЧНИКИ

Набоков 2020 — Набоков В. В. *Отчаяние*. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус (Азбука-классика), 2020. 220 с.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева 2013 — Андреева О. Л. *Лексико-грамматические особенности внутреннего монолога на материале романа Т. Хюрлимана «Фройляйн Штарк»*. Краснодар, 2013. 58 с.

Арутюнова 1988 — Арутюнова Н. Д. *Типы языковых значений. Оценка, событие, факт*. М.: Наука, 1988. 338 с.

Кобозева 1990 — Кобозева И. М. *Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста*. М.: Наука, 1990. 278 с.

Набоков 1998 — Набоков В. В. *Лекции по зарубежной литературе: Остен, Диккенс, Флобер, Джойс, Кафка, Пруст, Стенсен*. М.: Независимая газета, 1998. 512 с.

Радбиль 2012 — Радбиль Т. Б. *Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие*. М.: Флинта, 2012. 321 с.

Черевко 2018 — Черевко Г. В. Функция внутренней речи в рассказе В. В. Набокова «Совершенство». *Филология: научные исследования*. 2018, (4): 296–301.

Черевко, Рягузова 2018 — Черевко Г. В., Рягузова Л. Н. Прием потока сознания Л. Н. Толстого в теоретической и художественной рефлексии В. В. Набокова. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2018, (2): 163–168.

SOURCES

Набоков 2020 — Nabokov V. V. *Despair*. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus (Azbuka Klassika), 2020. 220 p. (In Russian)

REFERENCE

Андреева 2013 — Andreeva O. L. *Lexical and grammatical features of the internal monologue based on the material of T. Hurliman's novel "Fraulein Stark"*. Krasnodar, 2013. 58 p. (In Russian)

Арутюнова 1988 — Arutunova N. D. *Types of linguistic meanings. Assessment, event, fact*. Moscow: Nauka Publ., 1988. 338 p. (In Russian)

Кобозева 1990 — Kobozeva I. M. *Logical analysis of language: inconsistency and anomaly of text*. Moscow: Nauka Publ., 1990. 278 p. (In Russian)

Набоков 1998 — Nabokov V. V. *Lectures on foreign literature: Austen, Dickens, Flaubert, Joyce, Kafka, Proust, Stevenson*. Moscow: Nezavisimaia gazeta Publ., 1998. 512 p. (In Russian)

Радбиль 2012 — Radbil T. B. *Linguistic anomalies in a literary text: Andrey Platonov and others*. Moscow: Flinta Publ., 2012. 321 p. (In Russian)

Черевко 2018 — Cherevko G. V. The function of internal speech in the story of V. V. Nabokov "Perfection". *Filologiya: nauchnyye issledovaniia*. 2018, (4): 296–301. (In Russian)

Черевко, Рягузова 2018 — Cherevko G. V., Ryaguzova L. N. Tolstoy's Stream of consciousness reception in V. V. Nabokov's theoretical and artistic reflection. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniie*. 2018, (2): 163–168. (In Russian)